

Мой первый день на практике в «МК»

Первым человеком, которого я увидела в редакции «МК», была Таня Шохина, тогдашняя звезда отдела комсомольской жизни и золотое перо газеты.

Она стояла, опершись о стойку, за которой сидела секретарь главного редактора, и курила. Я вошла в приемную, она окинула меня строгим оценивающим взглядом. Я промямлила что-то о том, что вот, мол, приехала на практику. Мне было велено ждать зама – Михаила Васильевича Шпагина, потому что главный редактор находился в отпуске.

Я присела на краешек стула – все во мне тряслось, и зуб на зуб не попадал, потому что это была первая практика в столичной газете. Все мои однокурсники по Уральскому университету разъехались по районным газетенкам, а я – в столичный град, в газету, равной которой по популярности тогда даже близко не было...

Помню, в Свердловске (ныне это Екатеринбург), где я родилась и училась, мы начинали день с того, что бежали в архив нашего факультета журналистики и прямо впивались в свежий номер «Московского комсомольца», который доставляли в университет курьерской почтой аккуратно на следующий день. Работать там даже и мечтать никто не мог...

Не знаю, что дернуло мою руку, когда я написала письмо с просьбой принять меня на летнюю практику в «МК», запечатала его в конверт и отправила в редакцию. Я была уверена, что мне

даже не ответят. Но мне не просто ответили: прислали вызов в деканат на мое имя!

И вот я тут, в приемной главного редактора, и лучшее перо «МК» рассматривает меня с ненаигранным интересом. Наконец, Шохина загасила сигарету и сказала мне покровительственным тоном:

– Милочка, такие юбки в Москве уже давно не носят!

Как я сквозь землю не провалилась в тот миг? Дело в том, что мама как раз перед отъездом на практику сшила мне юбку в модном тогда стиле годе; она долго мучилась с этой юбкой, подбирая лоскуты, и я так гордилась ею! А теперь настроение было напрочь испорчено, и когда в приемную вошел Шпагин – тоже, между прочим, в плохом настроении, – я вообще уже была чуть ли не в обмороке.

Шпагин пригласил меня в кабинет, сел за стол и сразу же закурил. А дело в том, что тогда в редакции «МК» курили все поголовно, причем не выходя из кабинетов, и вечерами можно было наблюдать, как дым из дверей медленно плывет по коридору. Дым такой плотный, что невозможно было узнать идущего навстречу человека! (Так же курят герои фильм «Оттепель» Валерия Тодоровского – все поголовно, везде и постоянно.)

Итак, Шпагин закурил и устало посмотрел на меня. Моей немодной юбки он, конечно, не замечал, судорожно соображая, что же со мной делать. Позже я поняла, что редактор перебирал в голове отделы, в которых начальники не ушли в отпуски, чтобы прикрепить меня к одному из них и наконец отвязаться.

Так я попала в отдел со страшным названием «пропаганда и агитация», которым руководила тогда Галя Меньшикова. Я бы, конечно, хотела в «Культуру», но туда, как сказал мне строгий Михаил Васильевич, хотят все, а работать надо везде, в том числе и в пропаганде, тем более начинается обмен комсомольских документов, и отделу требуется подкрепление.

Эти слова и на меня навеяли тогда страшную скуку. Я шла по

коридору в поисках отдела пропаганды и агитации – и с ужасом думала, что буду здесь делать, про что писать, ведь я и сама в комсомол поступила только со второго раза, срезалась на понятии «демократический централизм»...

Отдел занимал большую комнату, там стояло то ли пять, то ли шесть столов. Только за одним из них сидела молодая девушка с распущенными длинными волосами и красила ногти. Она медленно водила кисточкой с лаком по своим длинным отточенным ногтям и, не поднимая головы, спросила: «Вам что?» Я ответила. Она с интересом взглянула на меня, кивнула на свободный стол. Тут будет теперь мое рабочее место...

Это была Лиля Алиева.

Кто мог тогда представить, предположить, что мы подружимся с Лилей. Впоследствии она уедет работать за границу, выйдет замуж за советника посольства в Дании, родит двоих детей. А потом... ее муж, полковник КГБ Олег Гордиевский, разоблаченный агент английской разведки, будет вывезен из СССР тайно, в багажнике посольской машины. А Лилия с дочерьми останутся здесь. И именно я окажусь первым российским журналистом, кто встретится с Гордиевским в Лондоне и возьмет большое интервью – и это интервью сыграет большую роль в жизни и Лили, и ее дочерей. И в моей...

А пока мы сидим с ней в редакции на Чистых прудах. Она рассказывает про работу в газете, объясняет, что комсомольская тематика на самом деле – это не так страшно, это вообще-то про жизнь, и как мне сильно повезло, что я попала сюда на практику. Спасибо заведующему редакцией, к которому каким-то чудным образом попало мое письмо, и он не кинул его в корзину – а мог бы! – а пошел к главному и заручился его согласием. И прислал мне вызов на практику. (Он потом рассказывал, что редактор Аверин задумчиво сказал, крутя в руках мое послание: «А и правда – что мы все из МГУ да из МГУ берем практикантов? Пусть и провинция подучится, им же тоже интересно!» Так была решена моя судьба.)

Позже в кабинет стали подтягиваться другие сотрудники. Очень серьезная Женя Зак. Вошла – и первым делом, конечно, закурила сигаретку. К обеду влетела в отдел Саша Зиновьева – с двумя большими хозяйственными сумками в руках. Саша – замужняя женщина с маленьким ребенком, она по дороге на работу успела забежать в магазин за каким-то дефицитом.

Именно Саша, самый опытный сотрудник отдела, разъяснила мне азы комсомольской тематики и послала на первое задание: взять интервью у секретаря райкома о подготовке района к новому учебному году в вечерних школах. А пока... Пока мне доверено обзвонить райкомы и собрать информацию в рубрику «Комсомольская хроника». Это оказалось несложным, но только в своей первой же заметке я назвала Тишинский райком Тушинским, за что была вызвана на расправу к ответственному секретарю редакции Зурабу Налбандяну...

В каждой редакции, как и в отделе милиции, бок о бок работали хороший и плохой начальники. Аверин был «хорошим» – он не любил конфликтов и скандалов, хотя был строг и решителен. Зураба как будто специально подобрали в кресло начальника, чтобы карать таких нерадивых сотрудников, как я. Когда он шел по коридору, корреспонденты пулей разлетались по своим кабинетам и там сидели тихо-тихо...

Зураб очень долго объяснял мне ответственность журналиста перед печатным словом. Московского журналиста – особенно! Корреспондента «МК» – еще более особенно, ведь газета – флагман и знамя комсомола, и так далее – бла-бла-бла. Я стояла, понутив голову. Думала, что вот сейчас бесславно и закончится моя работа в ставшей любимой газете. Вот сейчас он скажет, что все, адью, собирай вещички и уезжай в свой Свердловск...

Но в этот момент открылась дверь, и вошел небольшого роста худой человечек с взъерошенными волосами. Зураб сразу замолк, как-то даже присел, и от того, как он засуетился, я поняла, что передо мной – сам главный редактор газеты Евгений

Сергеевич Аверин.

– Ну что ты шумишь, что налетел на девчонку? – выговаривал он Зурабу, впрочем, довольно добродушно. – Может, это наши будущие кадры, наша надежда, наш, в конце концов, будущий ответственный секретарь?..

В общем, им надо было поговорить. Я улизнула.

Началось великое переселение народов: редакция переезжала на Красную Пресню, в новое помещение.

А мне надо было писать про вечерние школы...

– Возьми Краснопресненский район и не парься: у них всегда все в полном ажуре, показательный райком! – посоветовал мне Валерка Хабидулин, который, хоть и работал в другом отделе, часто забегал к нам на чаек. В новом здании отдел пропаганды расположился последним по коридору. Что было удобно: начальство сюда редко доходило. А Валерка прибегал иногда выпить не только чаю, но кое-что и покрепче вместе с другими сотрудниками.

Я поехала в Краснопресненский райком комсомола. За вечерние школы там отвечал второй секретарь райкома Павел Гусев. Молодой человек в распахнутом пиджаке – мы сразу нашли с ним общий язык. Интервью получилось большим и по тем временам интересным. Когда я звонила ему домой, чтобы договориться о визировании этого интервью, слышала, как в доме плачет маленький ребенок...

Могла ли я подумать, что этот ребенок – Лешка Гусев – будет ночевать со мной в одной палатке, спать у меня на плече, потому что мы все вместе получили садовые участки и первые ночи проводили в палатках... А Павел Николаевич Гусев станет главным редактором «Московского комсомольца» и назначит меня ответственным секретарем – и я войду в тот самый кабинет, который занимал строгий Зураб, и сяду за его стол, и буду отчитывать сотрудников за нерадивость и ошибки.

Вот так причудливо тасуется колода, перемешивая судьбы и человеческие жизни, выстраивая из них то ли игру в подкидного дурака, то ли замысловатый пасьянс...

Лучшие мои годы связаны с работой в «МК». И не только потому, что это была молодость, что само по себе счастье, а еще и потому, что пройдена великая школа журналистики, найдены друзья на всю жизнь – и вся последующая жизнь шла по определению под громким именем «МК».

Ольга Белан,

в 1975–1979 годах – корреспондент отдела пропаганды и агитации,

в 1981–1983-м – завотделом учащейся молодежи,

в 1984–1989-м – ответственный секретарь

